

УДК 340.151

DOI 10.25587/SVFU.2022.16.69.001

А. Э. Маякунов

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

e-mail: alexmoy@mail.ru

К вопросу кровной мести как института обычного права древних якутов

Аннотация. В статье рассматривается институт кровной мести у древних якутов. Автор касается проблем генезиса, становления и эволюции обычая кровной мести якутов до колониального освоения Якутии русскими первопроходцами. В статье названы и проанализированы основные факторы сравнительно быстрой трансформации кровной мести системой композиций у народа саха. Проводятся сравнительные аналогии о функционировании института кровной мести в обычном праве якутов, чукчей, эвенков. Находятся сходства и различия в зависимости от социально-экономической организации традиционного образа жизни. Делается вывод о малоэффективности обычая кровной мести, как средства поддержания примитивного правопорядка в позднеобщинном родовом строе якутов в условиях Крайнего Севера. Обычай кровной мести у якутов сводится на нет в результате перехода разряда тяжких преступлений в ведение русского судопроизводства.

Ключевые слова: институт кровной мести, социально-правовые представления древних якутов, композиции, гражданско-правовой деликт, родовой строй, калым, кровомщение, круг лиц, ответственных за реализацию кровной мести; продолжительность кровной мести.

Для цитирования: Маякунов А. Э. К вопросу кровной мести как института обычного права древних якутов // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 2 (28). С. 5–15.

А. Е. Mayakunov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: alexmoy@mail.ru

To the question of blood feud as an institution of customary law of the ancient Yakuts

Abstract. The article deals with the institution of blood feud among the ancient Yakuts. The author deals with the problems of the genesis, formation and evolution of the custom of

blood feud of the Yakuts before the colonial development of Yakutia by Russian pioneers. The article names and analyzes the main factors of the relatively rapid transformation of blood feud by the system of compositions among the Sakha people. Comparative analogies are drawn with the functioning of the institute of blood feud among the Yakuts, Chukchi, Evens. There are similarities and differences depending on the socio-economic organization of traditional nature management. The conclusion is made about the ineffectiveness of the custom of blood feud as a means of maintaining a primitive law and order in the late communal tribal system of the Yakuts in the conditions of the Far North. The custom of blood feud among the Yakuts is reduced to nothing as a result of the transfer of the category of serious crimes to the jurisdiction of Russian legal proceedings.

Keywords: institution of blood feud, social and legal ideas of the ancient Yakuts, compositions, civil law tort, tribal system, bride price, blood feud, circle of persons responsible for the implementation of blood feud, duration of blood feud.

For citation: Mayakunov A. E. To the question of blood feud as an institution of customary law of the ancient Yakuts // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 2 (28). P. 5–15. (In Russ.)

Введение

Кровная месть – это один из самых значительных институтов обычного права почти у всех народов мира. Одним из редких исключений, например, является Древний Египет, где кровная месть, скорее всего, отсутствовала изначально, в силу значительных пережитков матриархата [13, с. 358].

Институт кровной мести выступает базовым, фундаментальным поведенческим архетипом, отражающим принцип социальной справедливости. Среди аборигенных народов Якутии кровная месть была также широко распространена в древности.

Проблемы функционирования данного института обычного права всегда привлекают внимание видных представителей юридико-исторической науки, равно как и в XIX–XX вв., так и в современных исследованиях. Исследователи изучали кровную месть на основе этнографического материала многих народов России. Но, к сожалению, этот правовой обычай историки и правоведы, исследовавшие юридический быт древних якутов, описывали лишь контурно и большими мазками. В связи с этим автор посчитал возможным вновь артикулировать эту тему и попытаться ответить на следующие вопросы. Насколько кровная месть была укоренена в традиционном общественном укладе якутов? Какое место занимал обычай кровной мести в правосознании якутов? Как быстро происходила трансформация этого обычая в систему композиций и почему? Какую положительную социально-правовую функцию выполнял

институт кровной мести у древних якутов? Пусть автор статьи и не смог дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, то хотя бы даст повод для размышлений читателям своими предположениями об этом многогранном феномене, проведя краткий обзор функционирования обычая кровной мести у древних якутов.

Основная часть

У древних якутов в эпоху родового строя этнологи не наблюдают слов, которые обозначали бы понятие «преступление» [14, с. 35]. Производные от корня слов «буруй», «айыы» (делинквентное деяние) в якутском языке символизируют только аморальные, греховные проступки, отступающие от общепринятых норм поведения в отношении установления религии и традиционной морали. Большинство этих социальных норм касаются предосудительных нарушений ритуальной составляющей обрядов и верований в повседневной жизни. Например, неудачи на охоте и в рыболовстве, как негативные следствия подобных проступков.

В праве каждого народа в период разложения родового строя под влиянием развития торгово-меновых отношений уголовное преступление не дифференцировалось от гражданско-правовых деликтов. В силу этого, по мнению многих ученых, любое правонарушение по сути трактовалось как гражданское правонарушение. Преступное деяние интерпретировалось, прежде всего, не как попрание морально-правовых устоев социума, а как нарушение частных, индивидуальных интересов, как деликт, наносящий ущерб отдельному человеку, и посредством этого и всему семейному клану, роду. С развитием экономических отношений в родовом обществе материалистическое выражение «обиды», «кривды» все больше принимает форму гражданско-правового деликта. Даже возмездие и кровная месть в отношении виновного начинает изменять свой вектор в сторону усиления материальных последствий для преступника, а не причинения ему смерти или физических страданий. Со временем в родовом обществе кровавая «вендетта» замещается композицией в виде виры (славяне), вергельда (германцы), *qel-vil* «цены несчастья» (чукчи) и т. п. Эту теорию в отечественной юриспруденции обосновывает М. В. Кича и Ю. И. Семенов [10].

Так, например, Я. Линденау описывает юридический быт якутов в XVIII в.: «У них можно совершать любое преступление, но за это не наказывают смертью, а все ограничивается компенсацией чем-либо. Если кто возьмет в долг у другого, то при этом не требуется никаких свидетельских показаний, потому что, как только должник будет иметь чем уплатить долг, он это делает без всякого напоминания со стороны

заимодавца. Когда же заимодавец не хочет долго ждать, а у должника нечем платить, то он занимает у другого, или за него платит род» [6, с. 80].

М. М. Ковалевский, изучавший эмпирически обычное право осетин, умозаключает совершенно справедливо о феномене преступления следующее.

«Во-первых, право в эпоху господства родового быта не видит в преступлении ничего, кроме причиняемого вреда, за которое оно разрешает мстить виновнику до тех пор, пока последний не откупится платежом положенной обычаем частной пени. Во-вторых, гражданское правонарушение также ведет к мести. Как и уголовное. Мечь эта принимает форму дозволенного обычаем захвата имущества и нередко личности виновного в нем лица» [2, с. 112–113].

Якутский юридический быт подтверждает вышеприведенный вывод М. М. Ковалевского не во всем объеме, а только частично. Кроме убийства, якутское обычное право не признавало разницы между преступлением и гражданско-правовым деликтом. Так же, как и не признавало разницы между уголовным и гражданским процессом. Только убийство и клятвопреступление выделяются в обычном праве якутов в разряд преступлений, караемых смертной казнью. Умысел на убийство также признается за преступление [4, с. 168].

В обычном праве многих народов мира преступления и наказания подразделялись на два вида:

- преступления, совершенные при столкновениях между кланами, родами и семьями;
- преступления, совершенные внутри кровнородственной группы (рода, семьи).

Вывод, сделанный известным этнологом В. Г. Богоразом в отношении юридического быта чукчей, правомерно экстраполировать на древних якутов.

«Убийства первой категории не подлежат кровной мести и остаются вовсе без наказания. Объясняется это тем, что чукчи приводят как формулу обычного права: «с ним поступили как с одним из своих» или «как с родственником с ним поступили»... Это значит, что «скверных людей» нужно убивать внутри своей семейной группы» [1, с. 180].

Данное умозаключение демонстрирует особенность социальной регуляции родового общества, когда под угрозой находится общественная сплоченность родовой группы, семейного клана. Агрессия какого-либо субъекта из внешнего мира толкуется, как вторжение и атака на всю социальную общность рода в психосоциальном восприятии каждого члена клана. В то время как членом семейной группы воспринимаются как

внутреннее дело, стало быть, не подпадают под категорию кровной или родовой мести. «Внутри раннепервобытной общины кровной мести не могло быть в принципе. Когда один член рода убивал другого его члена, роду, безусловно, наносился ущерб. Но убить убийцу означало нанести роду еще один такой же ущерб» [8, с. 224].

Противоположное проявление правопорядка наблюдал Я. Линденау среди удских эвенков: «Если кто совершит убийство, то убийца обязан с оставшимися родственниками убитого договориться. Здесь учитывается личность убитого. Максимальная компенсация для богатого – это три-четыре раба и столько же рабынь, а также 40–50 оленей. Чтобы это заплатить, помогают и другие роды. От неимущего рода берется меньше... У них можно совершать любое преступление, но за это не наказывают смертью, а все ограничивается компенсацией чем-либо» [6, с. 79].

У древних якутов также различаются преступления двух родов: преступления, возникающие между членами разных родов и возникающие в одном роде, семье. Наказанием первого рода преступления является кровавая месть, наказанием же за преступления другого рода – изгнание.

В первом случае в традиционном обществе все взаимоотношения между родами, филами, обоками и т. п. сводились к войне и миру, или к кровной мести.

Институт кровной мести по сути – это первые правовые отношения между племенами, родами и кланами. В древнем обществе военные конфликты и столкновения велись без всякого разбора и без всяких правил, и без намека на какое-либо право. Военные столкновения заканчиваются либо миром, либо кровной местью. Кровная месть есть в своем роде ограничение непрерывных войн, и при наличии ее война может начинаться только в виду каких-либо вызывающих к этому причин. Убийство, оскорбление, кража скота или похищение женщин при родовом строе всегда имеет следствием кровную месть.

С другой стороны, кровомщение суть проявление не психосоциальной реакции самозащиты, не социального инстинкта, но, скорее всего, потребность в примитивном правопорядке. «Мститель, – писал Н. С. Таганцев, – удовлетворяет не свои инстинктивные потребности, а выполняет как бы обязанность перед обществом, месть составляет не только его право, но и долг, осуществление которого так же мало зависит от субъективного взгляда мстителя, как и слова и формы эпической поэмы от передающего ее певца. Мера и границы этой мести определяются неукротимой силой предания и обычая» [12, с. 16]. Данному суждению имеются подтверждения в якутских сказках и мифах, которые красочно и содержательно описывают осуществление кровной мести. В то же

время весьма сухо и блекло передают информацию о реально произошедших исторических прецедентах.

Вначале ничем не ограниченная кровная месть впоследствии ограничивается равным возмездием (*jus talionis*) известным кругом лиц, могущих мстить за оскорбления. Наконец, кровная месть заменяется выкупом (композицией).

Таким образом, институт кровавой мести по сути социальная поведенческая статусно-ролевая структура, основанная на требовании реализации возмездия в отношении виновного. У древних саха данный социальный институт также действовал длительное время.

Кровная месть была известна древним якутам. В олонхо происхождения сказочных героев есть результат мести, или вызывает мщение. Чаще всего ее вызывает увод скота или женщин. Убийство близкого родственника или тяжелое оскорбление тоже имеет соответствующей реакцией кровавую месть.

У якутов родственники, принимающие участие в кровной мести, именовали словом «иэстэһии». В первой очереди на совершение кровной мести стояли родственники по отцовской линии. Родственники убитого по женской линии практически не принимали участие в вендетте, только в крайнем случае, когда не оставалось сородичей по отцовской линии.

В целом, во всех инцидентах кровной мести обязанность мстить возлагалась на родичей ближайших степеней родства, прежде всего, на членов семьи по линии отца [7, с. 112]. «Этот порядок назначения мстителя встречается, например, как у якутов, так и у албанцев, как у скандинавов, так и у кавказских народов, по которому, если законный мститель еще ребенок, он тщательно воспитывается и готовится для исполнения мести, когда возмужает» [4, с. 181].

Исполнителем кровомщения назначается либо близкий кровный родственник, либо весь семейный клан. При втором варианте кровомщение приобретает характер тотальной войны между кланами. Времена межродовой усабицы (кыргыс этэх) имели основой кровную месть, которая транслировалась из поколения в поколение.

На основе данных из якутских легенд и мифов известно, что сын мог мстить за отца, но могли ли мстить его ближайшие родственники в точности неизвестно. Вероятно, близкие родственники могли мстить за оскорбленного, иначе не понятно будет заступничество целого рода за обиженного.

В. Л. Серошевский записал предание, как готовился к мести малолетний сын обиженного. «Его с малых лет приручали к стрельбе из лука, ловкости и верховой езде. Достигнув зрелого возраста, он

обязан был отомстить оскорбителю своих близких, своего рода. Месть совершалась ловко и хорошо, так что только догадывались, кто мог так хорошо отомстить» [11, с. 455].

Кровная месть среди древних якутов проводилась беспощадно и последовательно. В. Л. Серошевский упоминает, что «существовал один род, которому дали прозвище Быстыбыт – вырезанный. Оказывается, что это остаток некогда могущественного рода, почти исчезнувшего с лица земли после одного нападения, где была вырезана большая часть рода» [11, с. 454–455].

Такая кровная месть приводила к гибели целых родов, поэтому общественная регуляция требовала замещения этого института композицией во избежание истребления этноса.

Многие народы мира шли по пути замены кровной мести выкупом. Редкое исключение из этого демонстрирует обычное право горцев Северного Кавказа, адаты которых не подпадают под действие замещения системой композиций кровной мести. Советский этнолог А. М. Ладыженский утверждал, что: «Изучение адатов кавказских горцев отнюдь не дает основания утверждать, будто все уголовные нормы возникли из идеи «око за око», «зуб за зуб», которая появилась, как и все правовые понятия, в эпоху менового оборота, и, как всякое право, основано на идее эквивалентного обмена» [5, с. 4]. Он же писал, что «наказания у первобытных народов отнюдь не основывалось на принципе эквивалента. Они стремились к генеральной превенции и к удовлетворению чувства мести» [5, с. 5].

Многие ученые полагают, что завуалированной формой замещения композицией кровомщения у якутов до прихода русских был брачный выкуп (калым). В. Л. Серошевский верно подметил, что невеста – суть своего рода компенсация за убитого или за другой нанесенный одним родом другому роду ущерб. Поэтому древняя якутская свадьба освящена такими магическими таинствами и ритуалами, которые доказывают, что выплата калыма – суть выкуп права кровомщения.

По Приклонскому, «выкуп права кровной мести можно видеть из сказки «Ар Соготох», где родственники посаженного в темницу убийцы вымаливают прощение у родственников убитого. Прощение убийцы едва ли могло состояться без выкупа. В якутском обычном праве за обиду можно было дать выкуп, даже за воровство можно было отделаться выкупом, не доводя дела до суда. Все это ясно и указывает на то, что и якуты знали систему выкупов» [9, с. 171].

Первоисточники не предоставляют возможным ответить на вопрос: кто входил в круг мстителей. В сочинении В. Л. Серошевского упоми-

нается то, что мстили до седьмого поколения. Хотя якутский фольклор и другие источники не подтверждают этого.

Скорее всего, здесь правомерно провести аналогию с чукчами и другими северными народами Якутии, у которых кровная месть не длилась в течении продолжительного времени, но завершалась после совершения первого акта отмщения. Этот факт обусловлен тем, что скудность населения Арктики объективно ограничивала кровную месть. Иначе бы коренные малочисленные народы Севера быстро истребили друг друга в кровопролитных столкновениях кровомщения.

Убийство сперва вызывало кровную месть, которая потом была заменена выкупом. «Убийца обязан отдать родственникам убитого столько скота, сколько они от него потребуют. Если же убийца холостой и ему нечего давать, то он должен навечно остаться рабом рода убитого. Это было обычаем у них в старину, теперь же такие дела разбираются на суде» [6, с. 217].

Позже убийство было признано преступлением, за которое власть начальника союзных родов назначала смертную казнь или заключение в темницу [4, с. 219].

В сказании Хан Уаргыстай есть упоминание, что убийцу предали смертной казни через распятие и сожжение на костре.

«Велевший поймать его, велел его приколотить вниз головой, вверх ногами, на конце западного неба чрез ступни железными гвоздями, и Арсын Далай – господин сказал: «Бросьте Ытык Кыйбардына в горящий огонь».

В сказании «Ар Соготох» с неба отвечают вопрошавшему об исчезновении Ар Соготоха Сабылану: «Друг и товарищ Сабылан! Твоего брата Ар Соготоха взяли на небо к Жилга-тойону, который за то, что он бессердечно убил Хорожай Баргана и дочь Юрюн Айы, заключил его в темницу». Карался не только факт убийства, но одно намерение убить. Так, Каха уасын был распят за то только, что «хотел убить названного своего сына, человека по имени Хан Уаргыстай» [4, с. 170].

Выводы

Из проведенного краткого обзора обычая кровной мести древних якутов можно сделать следующие выводы:

- данный архаичный институт права был довольно развит в социально-правовом сознании древних якутов, в плане его коллективистской природы и самоидентификации народа саха;
- в тяжелых природно-климатических условиях Крайнего Севера якуты, выходцы с южных регионов, адаптировали свое обычное право и пытались ограничить действие кровной мести первичной стадией кровомщения;

– кровная месть, как институция обычного права, исторически стремительно эволюционировала в стройную систему композиций;

– но дальнейшее развитие обычая кровной мести у якутов встретило препятствие в факте присоединения Ленского края к Российскому государству. Уголовные преступления: убийство, разбой, вооруженное сопротивление властям вместе с уголовными наказаниями отошло к русским судам. Якутским судам остались лишь гражданские материальные отношения, воровство, обиды, раны, увечья и т. п. Посему кровная месть у якутов, как и других народов Севера, исходит на нет после включения Сибири в состав Российского государства.

Литература

1. Богораз, В. Г. Чукчи: Социальная организация / В. Г. Богораз. – Москва : Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 2016. – Издание 4. – 216 с.
2. Ковалевский, М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении / М. М. Ковалевский. – Москва : Типография В. Гатцук, 1886. – 367 с.
3. Косвен, М. О. Преступление и наказание в догосударственном обществе / М. О. Косвен. – Москва-Ленинград : Наука, 1925. – URL: https://lib.sale/vsemirnaya-istoriya_1413/vtoraya-grupprovoy-harakter-pervobyitnyih-109861.html (дата обращения: 01.04.2022).
4. Кочнев, Д. Л. Очерки юридического быта якутов / Д. Л. Кочнев. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1899. – 177 с.
5. Ладыженский, А. М. Адагы горцев Северного Кавказа / А. М. Ладыженский. – Ростов-на-Дону : Издательство СКНЦ ВШ, 2003. – URL: http://apsnyteka.org/969-ladyzhensky_a_adaty_gortsev_severnogo_kavkaza.html (дата обращения: 13.04.2022).
6. Линденау, Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау ; [перевод с немецкого, подготовка текста, примечание и предисловие З. Д. Титовой] ; под общей редакцией И. С. Вдовина. – Магадан : Книжное издательство, 1983. – 176 с.
7. Маякунов, А. Э. К вопросу об институте кровной мести у древних чукчей / А. Э. Маякунов // Современная наука: теоретический и практический взгляд. Сборник статей международной научно-практической конференции, 1 июня 2015 г. – Уфа. – С. 111–114.
8. Павлинов, Д. М. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов / Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь ; [предисловие И. И. Майнова]; Академия наук СССР. – Ленинград : Академия наук СССР, 1929. – 519 с.
9. Приклонский, В. Л. Три года в Якутской области / В. Л. Приклонский // Живая старина. – 1890, вып. 2. – 171 с.
10. Семенов, Ю. И. Основные понятия обычного права: Возникновение и развитие / Ю. И. Семенов // Юридическая антропология. Закон и жизнь. – Москва : ИД «Стратегия», 2000. – С. 7.

11. Сорошевский, В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Сорошевский. – Москва : «Российская политическая энциклопедия», 1993. – Т. I. – 714 с.
12. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: [в 2 томах] / Н. С. Таганцев ; составитель и ответственный редактор Н. И. Загородников. – Москва : Наука, 1994. – 380 с.
13. Томсинов, В. А. Государство и право Древнего Египта : [монография] / В. А. Томсинов. – Москва : ИКД «Зерцало-М», 2011. – 516 с.
14. Федоров, Г. С. Обычное право народа саха / Г. С. Федоров. – Якутск : Издательство СВФУ, 2016. – 290 с.

References

1. Bogoraz, V. G. Chukchi: Social organization / V. G. Bogoraz. – Moscow : Publishing House of the Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR, 2016. – Edition 4. – P. 216.
2. Kovalevsky, M. M. Modern custom and ancient law. Customary law of Ossetians in historical and comparative coverage / M. M. Kovalevsky. – Moscow : Printing house V. Gatsuk, 1886. – P. 367.
3. Kosven, M. O. Crime and punishment in a pre-state society / M. O. Kosven. – Moscow-Leningrad : Nauka, 1925. – URL: https://lib.sale/vsemirnaya-istoriya_1413/vtoraya-gruppovoy-harakter-pervobyitnyih-109861.html (date of access: 04/01/2022).
4. Kochnev, D. L. Essays on the legal life of the Yakuts / D. L. Kochnev. – Kazan : Typolithography of the Imperial University, 1899. – P. 177.
5. Ladyzhensky, A. M. Adaty mountaineers of the North Caucasus / A.M. Ladyzhensky. – Rostov-on-Don: Publishing house SKNTS VSH, 2003. – URL: http://apsnyteka.org/969-ladyzhensky_a_adaty_gortsev_severnogo_kavkaza.html (date of access: 04/13/2022).
6. Lindenau, Ya. I. Description of the peoples of Siberia (the first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East / Ya. I. Lindenau; [translation from German, preparation of the text, note and preface by 3. D. Titova] ; under the general editorship of I. S. Vdovin. – Magadan : Book publishing house, 1983. – P. 176.
7. Mayakunov, A. E. On the issue of the institution of blood feud among the ancient Chukchi / A. E. Mayakunov // Modern science: theoretical and practical view. Collection of articles of the international scientific and practical conference, June 1, 2015. – Ufa. – pp. 111–114.
8. Pavlinov, D. M. Materials on customary law and public life of the Yakuts / D. M. Pavlinov, N. A. Vitashevsky, L. G. Levental ; [foreword by I. I. Mainov] ; USSR Academy of Sciences. – Leningrad : Academy of Sciences of the USSR, 1929. – P. 519.
9. Priklonsky, V. L. Three years in the Yakutsk region / V. L. Priklonsky // Living antiquity. – 1890, no. 2. – P. 171.
10. Semenov, Yu. I. Basic concepts of customary law: Origin and development / Yu. I. Semenov // Legal Anthropology. Law and life. – Moscow : ID «Strategy», 2000. – P. 7.
11. Seroshevsky, V. L. Yakuts. Experience of ethnographic research / VL Seroshevsky. – Moscow : «Russian Political Encyclopedia», 1993. – Т. I. – P. 714.

12. Tagantsev, N. S. Russian criminal law. Lectures: General part: [in 2 volumes] / N. S. Tagantsev ; compiler and executive editor N. I. Zagorodnikov. – Moscow : Nauka, 1994. – P. 380.
13. Tomsinov, V. A. State and Law of Ancient Egypt: [monograph] / V. A. Tomsinov. – Moscow : IKD «Zertsalo-M», 2011. – P. 516.
14. Fedorov, G. S. Customary law of the Sakha people / G. S. Fedorov. – Yakutsk : NEFU Publishing House, 2016. – P. 290.

Сведения об авторе

МАЯКУНОВ Александр Эдисонович – к. филос. н., доцент юридического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: alexmoy@mail.ru

MAYAKUNOV, Aleksandr Edisonovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University